

Цѣна 10 коп.

1906
ЯРОСЛАВСКАЯ

КОЛОТУШКА

„Но какъ бы ночь не длилась
и небо не темнѣло, а все раз-
свѣта намъ не миновать“...

№ 19 й.

Гимны родинѣ.

1.

О Русь! въ тоскѣ изнемогая,
Тебѣ слагаю гимны я,
Милѣ нѣтъ на свѣтѣ края,
О родина моя!

Твоихъ равнинъ иѣмья дали
Полны томительной печали,
Тоскою дышать небеса,
Среди болотъ, въ безсильи хиломъ,
Цвѣткомъ поникшимъ и унылымъ,
Восходитъ блѣдная краса.

Твои суровые просторы
Томятъ тоскующіе взоры
И души, полныя тоской.
Но и въ отчаяньи есть сладость
Тебѣ, отчизна, стонъ и радость.
И безнадежность, и покой.

Милѣ нѣтъ на свѣтѣ края,
О Русь, о родина моя.
Тебѣ, въ тоскѣ изнемогая,
Слагаю гимны я.

2.

Люблю я грусть твоихъ просторовъ,
Мой милый край, святая Русь.

Товарищи-сыщики.

Въ Саратовѣ состоялся митингъ сыщиковъ.

Товарищи-сыщики въ цѣломъ рядѣ горячихъ рѣчей выяснили многія не-удовлетворительныя стороны своего положенія.

Представителями крайней лѣвой были выставлены требованія 8-ми часового рабочаго дня и вѣжливаго обращенія. Представители правой ходатайствовали о безотлагательной выработкѣ пенсіоннаго устава и дарованіи нагрудныхъ знаковъ за определенное число изловленныхъ революціонеровъ.

Однимъ изъ товарищей-сыщиковъ было указано, что установившаяся норма оплаты за изготовленія, за эсъ-дека—4 рубля и за эсъ-эра—7 рублей, совершенно неудовлетворительна, необходима болѣе детальная таксировка. Избранной тутъ же комиссіи предложено выбрать таксу за изловленіе

Судьбы унылыхъ приговоровъ.
Я не боюсь и не стыжусь.

И всѣ твои пути мнѣ милы,
И пусть грозитъ безумный путь
И тьмой, и холодомъ могилы,
Я не хочу съ него свернуть.

Не заклиная духа злого,
И, какъ молитву нанзустъ,
Твержу все тѣ-жъ четыре слова:
„Какой просторъ! Какая грусть!“

3.

Печалью, безсмертной печалью
Родимая дышетъ страна.
За далью, за синею далью
Земля весела и красна.

Свобода побѣды ликуетъ
Въ чужой лучезарной дали,
Но русское сердце тоскуетъ
Вдали отъ родимой земли.

Въ безумныхъ, въ напрасныхъ
томленьяхъ

Томясь, какъ заклятая тѣнь.
Тоскуетъ о скудныхъ селеньяхъ,
О дымѣ родныхъ деревень.
Ведоръ Сологубъ.

меньшевиговъ, большевиговъ, максималистовъ, анархистовъ-коммунистовъ, анархистовъ-индивидуалистовъ и т. п.

Предсѣдателемъ собранія было предложено, для подъема профессиональной бодрости, объявить конкурсъ съ преміями за лучший гимнъ подъ заглавіемъ „Славный шпикъ“ на нижеслѣдующія слова:

Славьтесь, пожалуйста, храбрый
шпикъ!

Васъ охраняютъ нагайки и штыкъ.
Вамъ ли бояться крамольниковъ
злыхъ?

Они васъ револьверомъ, вы
пушкой ихъ.

Предложеніе предсѣдателя было принято собраніемъ единогласно.

Въ заключеніе было рѣшено, снесясь съ надлежащими управленіями, созвать въ ближайшемъ будущемъ все-россійскій съѣздъ сыщиковъ, для окончательной выработки партійной программы.
„Звонаръ“.

Наши типы.

ИЗЪ ПЪСЕНЪ.

Гори моя душа, какъ яркая звѣзда
На синемъ пологѣ нѣмого небосвода
Гори! Сгорай! Веди меня туда
Гдѣ жизни полнота: безумство и
свобода...

Гори моя душа въ огнѣ земныхъ
страданій...

Гори моя душа въ огнѣ земныхъ
скорбей...

Гори и будь владыкою желаній—
Гори и будь владыкою страстей...
Сгорай моя душа, красна и горда,
Сверкай моя душа, какъ яркая звѣзда, —
Какъ равная съ бессмертными богами.
Ив. Кинсбургъ.

У ГОРОДСКОГО СУДЬИ.

Судья. — Подсудимый Голоштановъ,
подъ судомъ были?

Подсудимый. — Былъ, г. судья.

Судья. — Когда?

Подсудимый. — Посейчасъ только отсюда.

Судья. — ??

Подсудимый. — Въ пивной подъ вашей
камерой съ товарищемъ парочку
роспили.

Его ждуть.

Настроение въ учительской угнетенное. Не слышно ни смѣха, ни громкаго говора.

Лица у всѣхъ хмурыя и сосредоточенныя, рѣчь прерывистая и желчная.

— Ну и ферта, чертъ дери, намъ шлютъ!—гордо закручивая усь, говорилъ педагогъ съ зелено-сѣрымъ лицомъ.

— Д-д-а,—отвѣчалъ ему другой, очень чувствительный и на урокахъ иногда даже плачущій,—вы говорите ферта, а вотъ Шоненгауеръ говоритъ ..

— Чтой-то-о-о!?—вдругъ изъ угла зарычала чья-то кудлатая голова,—Шоненгауеръ?! Философъ! Еретикъ! И, сверкнувъ глазами, голова снова погрузилась въ угрюмое молчаніе.

При первыхъ звукахъ ея голоса всѣ вздрогнули отъ неожиданности, а старичекъ, о которомъ извѣстно, что онъ черта боится, поспѣшно перекрестился; но разобравъ въ чемъ дѣло, многіе даже выругались отъ досады.

— Можно ли такъ пугать?—воротя на о, заговорилъ, славящійся разсѣянностью, педагогъ въ сюртукѣ, вѣчно измазанномъ мѣломъ.

А вы испугались—ужъ, не начальство ли, дескать, пріѣхало,—желчно засопѣлъ другой и, вдругъ поднявшись, быстро пошелъ въ самый дальній уголъ и тамъ ожесточенно плюнулъ.

Наступило было молчаніе, но не на долго.

Его нарушилъ господинъ съ яйцевидной головой, который, приложивъ руку не то къ животу не то къ сердцу, громко заговорилъ на сильномъ московскомъ нарѣчій:

— А по моему: слава Богу, что такой ѣдетъ, а то помилуйте, что въ прошломъ году ученики дѣлали: день не пришелъ, день отказъ, что за безобразіе!

Въ это время дверь расхлопнулась и въ комнату, неся впереди себя свое круглое брюшко, ввалился педагогъ съ пріятной улыбкой на красномъ жирномъ лицѣ; онъ одинъ ничего не боялся, такъ какъ былъ редакторомъ органа... ну такого органа, о которомъ лучше не упоминать.

Онъ ввалился и весело заговорилъ, раскачивая коротенькимъ корпусомъ.

Но коллеги его не раздѣляли его веселости. На душѣ у нихъ скребли кошки.

Каплюшкинъ.

Новыя, но только не цыганскія, пѣни въ лицахъ. Миніатюра.

(Дѣйствие происходитъ на краю города. Лужайка, покрытая травой. Сидитъ толпа хулигановъ и распиваетъ водку. Въ сторонѣ, обнявшись стоятъ М—кій и С—ковъ).

Рыжій мужикъ (встаетъ):

Братъ, хулиганы,

Шумною толпою

Пьемъ мы за здоровье

Дорогихъ людей!

Ахъ! М—кій, С—ковъ,

К—ровъ, батюшка,

Истинно-русскій человѣкъ!

(Всѣ пьютъ)

М—кій (къ С—кову):

Съ тобой вдвоемъ.

Въ блаженствѣ утопая,

Теперь живемъ,

Труда совсѣмъ не зная.

Теперь нигдѣ

Намъ обысковъ не надо,

И насъ вполиѣ (указываетъ на хулигановъ)

Замѣнить это стадо.

Весь секретъ весьма нехитрый:

Учредили мы союзъ

И тотчасъ будетъ избитый

Тотъ, котораго боюсь,

С—новъ (къ хулиганамъ):

Теперь, друзья,

Скорѣй, дружиѣи въ рыло (дѣлаетъ жестъ)

Пускай кричатъ,

Коль жить немило.

Всеякъ тотъ бунтарь,

Кто въ красной лишь рубашкѣ,

Его ударъ

Со всей своей замашки.

Бей, жидовъ, и бей,--студентовъ,

Гимназистовъ не щади

„Красныхъ“, бей интеллигентовъ,

Что попались на пути.

Хулиганы (хоромъ):

Будемъ, братья, выпивать,

Время дѣйствовать вачать,

Мы по улицѣ поидемъ,

Всѣхъ „крамольныхъ“ изобьемъ. (уходятъ).

Николай С—въ.

Вмѣстѣ.

Вмѣстѣ.

Могу-ль, сударыня, вамъ
руку предложить,
И васъ, прекрасная, до
дома проводить.

Н а ш а х р о н и к а .

Правленіе Іонаановскаго епархіальнаго училища возбуждаетъ предъ синодомъ ходатайство объ отпускѣ кредитовъ на наемъ двухъ парикмахеровъ преимущественно изъ фельдфебелей для острижки дѣвицъ „подъ гребенку“.

На Дунаевской фабрикѣ послѣ молебствія объявленъ открытымъ „союзъ русскаго народа“. Пока „союзъ“, по видимому, еще не функционируетъ, такъ какъ число избитыхъ и изувѣченныхъ „союзниками“ людей пока еще не превышаетъ 10.

Какъ мы слышали изъ безусловно-достоверныхъ источниковъ противъ покойнаго Фалька возбуждается сразу 123 дѣла за противоправительственное направленіе газеты „Сѣверный Край“.

ИЗЪ ЖИЗНИ.

Въ прилукскомъ уѣздѣ полт. губ., какъ сообщаютъ „Рѣчи“ во всѣхъ деревняхъ отслужены молебны, по случаю разгона Государственной Думы. Молебны, согласно предписанію полтавскаго епархіальнаго начальства не сопровождались со стороны священниковъ никакими объясненіями и вызвали среди крестьянъ большое недоумѣніе. „Що це за кумедія“, говорятъ они, „зыбрали думу—правили молебны, а теперь розыгнали—и тожь молебны правятъ“.

КОСТРОМА.

„Метельщики городской управы,—какъ сообщаетъ мѣстная газета,—усиленно наводятъ чистоту на мостовой часовъ въ 5 вечера, когда обыватели выходятъ съ дѣтишками подышать чистымъ воздухомъ. Пыль носится цѣлыми облаками, обыватели чихаютъ и фыркаютъ какъ моржи, выплывшіе изъ воды.“

Новость!

СТУДЕНЬ

Новость!

съ лошадинымъ пометомъ, продается въ магазинѣ
Бр. Головановыхъ, на Русиной.

Представитель Н. В. Котовъ.

Ростовъ.

(Отъ нашего корреспондента).

— Обывателямъ разрѣшено воору-
жаться... терпѣніемъ, свободно соби-
раться... въ трактиръ и носить фо-
нари... подъ глазами.

— Много толковъ вызываетъ слѣдую-
щій, не лишенный интереса случай.
Родившійся на-дняхъ у одного изъ
обывателей, члена союза русскаго на-
рода, сынъ первымъ долгомъ, къ ве-
ликому удивленію окружающихъ, во-
просилъ, къ какой политической пар-
тіи принадлежитъ его отецъ и, по-
лучивъ отвѣтъ, къ величайшему огор-
ченію родителя, заявилъ, что онъ ново-
рожденный, социаль-демократъ.

— Шурочка нашъ заболѣлъ... аре-
стоманіей.

Положеніе безнадежно.

Воробей

Рыбинскъ.

(Отъ нашего корреспондента).

— Обыватели, носящіе окладистыя
бороды, въ большомъ страхѣ и тре-
петѣ. Околоточный надзиратель Ди-
вовъ послѣ долгихъ и упорныхъ раз-
мышлений набрелъ на мысль, что ок-
ладистыя бороды есть ничто иное
какъ тога крамольниковъ. Нѣкоторые
арестованы. . Большебородые спѣшно
стригутъ и сбываютъ бороды, нап-
лывъ въ парикмахерскихъ небывалый,
такса—повышена.

— Въ гостиницѣ Башкирова, что
на Волжской набережной, введенъ ки-
тайскій столъ: щи изъ свѣжей капусты
съ двумя червями...

— Кондитеръ Сѣдовъ, на Кресто-
вой ул., рѣшилъ произвести изслѣ-
дованіе обывательскихъ желудковъ,
съ каковою цѣлью въ его кондитер-
ской продаются пирожки и печенье
съ отравой.

Пустошкинъ.

ШАХЪ королю и.....

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КРР. КРР. НѢТЪ ЛУЧШЕ
ПИВА КАКЪ ТѢ СѢВЕРНАЯ
БАВАРІЯ ВЪ ЯРОСЛАВѢ

Съ разрѣшенія Министра Императорскаго Двора

О Т К Р Ы Т Ъ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КЛАССЪ ЖИВОПИСИ И РИСОВАНІЯ,

окончившаго Императорскую академію художествъ
класснаго художника

Николая Павловича Шлеина.

Кострома, Еленинская ул., свой домъ.

Пріемъ вновь поступающихъ отъ 12 до 1 ч. дня, кромѣ пятницы, субботы и воскресенья.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ПОВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

выходящую въ г. Костромѣ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

на 4 мѣсяца	1 р 60 к.
на 3 мѣсяца	1 р 20 к.
на 1 мѣсяць	— р. 40 к.